

Артур Конан Дойл. Морской договор

Июль того года, когда я женился, памятен мне по трем интересным делам. Я имел честь присутствовать при их расследовании. В моих дневниках они называются: "Второе пятно", "Морской договор" и "Усталый капитан". Первое из этих дел связано с интересами высокопоставленных лиц, в нем замешаны самые знатные семейства королевства, так что долгие годы было невозможно предать его гласности. Но именно оно наиболее ясно иллюстрирует аналитический метод Холмса, который произвел глубочайшее впечатление на всех, кто принимал участие в расследовании. У меня до сих пор хранится почти дословная запись беседы, во время которой Холмс рассказал все, что доподлинно произошло, месье Дюбюку из парижской полиции и Фрицу фон Вальдбауму, известному специалисту из Данцига, которые потратили немало энергии, распутывая нити, оказавшиеся второстепенными. Но только когда наступит новый век, рассказать этот случай можно будет безо всякого ущерба для кого бы то ни было. А сейчас мне хотелось бы рассказать историю с морским договором. Это дело в свое время тоже имело государственное значение, и в нем есть несколько моментов, придающих ему совершенно уникальный характер.

Еще в школьные годы я сдружился с Перси Фелпсом, который был почти что моим ровесником, но опередил меня на два класса. У него были блестящие способности -- он получал почти все школьные премии и за выдающиеся успехи был удостоен стипендии,

которая позволила ему добиться триумфа и в Кембридже. Помнится, у него были большие родственные связи. Еще в школе мы знали, что брат его матери лорд Холдхэрст -- крупный деятель консервативной партии. Но тогда это знатное родство приносило ему мало пользы; напротив, было очень забавно вывалить его в пыли на спортивной площадке или ударить ракеткой ниже спины. Другое дело, когда он ступил на путь самостоятельной жизни. Краем уха я слышал, что благодаря своим способностям и влиянию дяди он получил хорошее место в министерстве иностранных дел. Но затем я совершенно забыл о нем, пока не получил следующее письмо:

"Брайарбрэ, Уокинг.

Дорогой Уотсон, я не сомневаюсь, что вы помните "Головастика" Фелпса, который учился в пятом классе, когда вы были в третьем. Возможно даже, вы слышали, что благодаря влиянию моего дяди я получил хорошую должность в министерстве иностранных дел и был в доверии и чести, пока на меня не обрушилось ужасное несчастье и не погубило мою карьеру.

Нет надобности писать обо всех подробностях этого кошмарного происшествия. Если вы снизоидете до моей просьбы, мне все равно придется вам рассказать все от начала до конца.

Я только что оправился от нервной горячки, которая длилась два месяца, и я все еще слаб. Не могли бы вы навестить меня вместе с вашим другом, мистером Холмсом? Мне бы хотелось услышать его мнение об этом деле, хотя авторитетные лица утверждают, что ничего больше поделать нельзя. Пожалуйста,

приходите с ним как можно скорее. Пока я живу в этом ужасном неведении, мне каждая минута кажется часом. Объясните ему, что если я и не обратился к нему прежде, то не потому, что не ценил его талантов, а потому, что с тех пор, как на меня обрушился этот удар, я все время находился в беспомощности. Теперь сознание вернулось ко мне, хотя я и не слишком уверенно чувствую себя, так как боюсь рецидива. что могу, как вы. видите, только диктовать. Прошу вас, приходите вместе с вашим другом.

Ваш школьный товарищ Перси Фелпс".

Что-то в его письме тронуло меня, было что-то жалостное в его повторяющихся просьбах привести Холмса. Попроси он что-нибудь неисполнимое, я и тогда постарался бы все для него сделать, но я знал, как Холмс любит свое искусство, знал, что он всегда готов прийти на помощь тому, кто в нем нуждается. Моя жена согласилась со мной, что нельзя терять ни минуты, и вот я тотчас после завтрака оказался еще раз в моей старой квартире на Бейкер-стрит.

Холмс сидел в халате за приставным столом и усердно занимался какими-то химическими исследованиями. Над голубоватым пламенем бунзеновской горелки в большой изогнутой реторте неистово кипела какая-то жидкость, дистиллированные капли которой падали в двухлитровую мензурку. Когда я вошел, мой друг даже не поднял головы, и я, видя, что он занят важным делом, сел в кресло и принялся ждать. Он окунал стеклянную пипетку то в одну бутылку, то в другую, набирая по несколько капель жидкости из каждой, и наконец перенес пробирку со смесью на

письменный стол. В правой руке он держал полоску лакмусовой бумаги.

-- Вы пришли в самый ответственный момент, Уотсон, -- сказал Холмс. -- Если эта бумага останется синей, все хорошо. Если она станет красной, то это будет стоить человеку жизни.

Он окунул полоску в пробирку, и она мгновенно окрасилась в ровный грязновато-алый цвет.

-- Гм, я так и думал! -- воскликнул он. -- Уотсон, я буду к вашим услугам через минуту. Табак вы найдете в персидской туфле.

Он повернулся к столу и написал несколько телеграмм, которые тут же вручил мальчику-слуге. Затем сел на стул, стоявший против моего кресла, поднял колени и, сцепив длинные пальцы, обхватил руками худые, длинные ноги.

-- Самое обыкновенное убийство, -- сказал он. -- Догадываюсь, что вы принесли кое-что получше. Вы буревестник преступлений, Уотсон. Что у вас?

Я дал ему письмо, которое он прочел самым внимательным образом.

-- В нем сообщается не слишком много, верно? -- заметил он, отдавая письмо.

-- Почти ничего.

-- И все же почерк интересный;

-- Но это же не его почерк.

-- Верно. Писала женщина!

-- Да нет, это мужской почерк!

-- Нет, писала женщина, и притом обладающая редким характером. Видите ли, знать в начале расследования, что ваш

клиент, к счастью или на свою беду, тесно общается с незаурядной личностью, -- это уже много. Если вы готовы, то мы тотчас отправимся в Уокинг и встретимся с этим попавшим в беду дипломатом и с дамой, которой он диктует свои письма.

На Ватерлоо мы удачно сели на ранний поезд и меньше чем через час оказались среди хвойных лесов и вересковых зарослей Уокинга. Усадьба Брайарбрэ находилась в нескольких минутах ходьбы от станции. Мы послали свои визитные карточки, и нас провели в гостиную, обставленную элегантной мебелью, куда через несколько минут вошел довольно полный человек, принявший нас очень гостеприимно. Ему было лет за тридцать пять, но из-за очень румяных щек и веселых глаз он производил впечатление пухлого, озорного мальчугана.

-- Я рад, что вы приехали, -- сказал он, экспансивно пожимая наши руки. -- Перси все утро спрашивает о вас. Бедняга, он цепляется за любую соломинку. Его отец с матерью просили меня встретить вас, потому что им больно даже упоминание об этом деле.

-- Мы пока еще ничего не знаем, -- заметил Холмс. -- Как я догадываюсь, вы не член этой семьи.

Наш новый знакомый удивился, но, посмотрев вниз, рассмеялся.

-- Вы, разумеется, увидели монограмму "Дж. Г." у меня на брелоке, -- сказал он. -- А я уж было поразился вашей проницательности. Я Джозеф Гаррисон, и так как Перси собирается жениться на моей сестре Энни, то буду его родственником по крайней мере со стороны жены. Сестру мою вы увидите в его комнате -- последние два месяца она нянчит его, как ребенка.

Пожалуй, нам лучше пройти к нему тотчас: он ждет вас с нетерпением.

Комната, в которую нас провели, была на том же этаже, что и гостиная. Это была полугостиная-полуспальня, в ней было много цветов. Теплый летний воздух, напоенный садовыми ароматами, вливался в раскрытое окно, у которого на кушетке лежал очень бледный и изможденный молодой человек. Когда мы вошли, сидевшая рядом с ним женщина встала.

-- Я пойду. Перси? -- спросила она.

Он схватил ее за руку, чтобы удержать.

-- Здравствуйте, Уотсон, -- сказал он сердечно. -- Вы отпустили усы. -- Я бы ни за что не узнал вас, да и меня узнать мудрено. А это, наверно, ваш знаменитый друг -- мистер Шерлок Холмс?

Я коротко представил Холмса, и мы оба сели. Толстый молодой человек вышел, но его сестра осталась с больным, который не выпускал ее руки. Это была женщина примечательной внешности -- с красивым смугловатым цветом лица, большими черными миндалевидными глазами и копной иссиня-черных волос, но для своего небольшого роста она была, пожалуй, несколько полновата. По контрасту с ее яркими красками бледное лицо ее жениха казалось еще более осунувшимся, изможденным.

-- Я не хочу, чтобы вы теряли время, -- сказал он, приподнявшись на кушетке, -- я сразу перейду к делу. Я был счастливым и преуспевающим человеком, мистер Холмс. Уже готовилась моя свадьба, как вдруг ужасная беда разрушила все мои жизненные планы.

Уотсон, наверно, говорил вам, что я служил в министерстве

иностранных дел и благодаря влиянию моего дяди, лорда Холдхэрстана быстро получил ответственную должность. Когда дядюшка стал министром иностранных дел в нынешнем правительстве, он стал давать мне ответственные поручения, и, так как я выполнял их с неизменным успехом, он в конце концов совершенно уверился в моих способностях и дипломатическом такте.

Примерно десять недель назад, а точнее двадцать третьего мая, он вызвал меня к себе в кабинет и, похвалив за старание, сказал, что хочет поручить мне новое ответственное дело.

-- Вот это, -- сказал он, беря серый свиток бумаги со стола, -- оригинал тайного договора между Англией и Италией, сведения о котором уже просочились, к сожалению, в печать. Чрезвычайно важно, чтобы в дальнейшем никакой утечки информации не было. Французское или русское посольства заплатили бы огромные деньги, чтобы узнать содержание этого документа. Я бы предпочел не вынимать его из ящика моего письменного стола, если бы не было настоятельной необходимости снять с него копию. В вашем кабинете есть сейф?

-- Да, сэр.

-- Тогда возьмите договор и запирайте его в сейфе. Я дам указание, чтобы вам разрешили остаться, когда все уйдут, и вы сможете снять копию, не спеша и не боясь, что за вами будут подглядывать. Когда вы все кончите, запирайте и оригинал и копию в сейф и завтра утром вручите их мне лично.

Я взял документ и...

-- Простите, -- перебил его Холмс, -- вы были одни во время разговора?

-- Совершенно одни.

-- В большой комнате?

-- Футов тридцать на тридцать.

-- Посередине ее?

-- Да, примерно.

-- И говорили тихо?

-- Дядя всегда говорит очень тихо. А я почти ничего не говорил.

-- Спасибо, -- сказал Холмс, закрывая глаза. --

Пожалуйста, продолжайте.

-- Я сделал точно так, как он мне велел, и подождал, пока уйдут клерки. Один из клерков, работавших со мной в одной комнате, Чарльз Горо, не управился вовремя со своей работой, и поэтому я решил сходить пообедать. Когда я вернулся, он уже ушел. Мне не терпелось поскорее закончить работу: я знал, что Джозеф -- мистер Гаррисон, которого вы только что видели, -- в городе и что он поедет в Уокинг одиннадцатичасовым поездом. И я тоже хотел поспеть на этот поезд.

С первого же взгляда я понял, что дядя несколько не преувеличил значения договора. Не вдаваясь в подробности, могу сказать, что им определялась позиция Великобритании по отношению к Тройственному союзу, им предопределялась будущая политика нашей страны на тот случай, если французский флот по своей боевой мощи превзойдет в Средиземном море итальянский флот. В договоре трактовались вопросы, имеющие отношение только к военно-морским делам. В конце стояли подписи высоких договаривающихся сторон. Я пробежал глазами договор и стал переписывать его.

Это был пространный документ, написанный на французском языке и насчитывающий двадцать шесть статей. Я писал очень быстро, но к девяти часам одолел всего лишь девять статей и уже потерял надежду попасть на поезд. Я хотел спать и плохо соображал, потому что плотно пообедал, да и сказывался целый день работы. Чашка кофе взбудрила бы меня. Швейцар у нас дежурит всю ночь в маленькой комнате возле лестницы и обычно варит на спиртовке кофе для тех сотрудников, которые остаются работать в неурочное время. И я звонком вызвал его.

К моему удивлению, на звонок пришла высокая, плотная, пожилая женщина в фартуке. Это была жена швейцара, работающая у нас уборщицей, и я попросил ее сварить кофе.

Переписав еще две статьи, я почувствовал, что совсем засыпаю, встал и прошелся по комнате, чтобы размять ноги. Кофе мне еще не принесли, и я решил узнать, в чем там дело. Открыв дверь, я вышел в коридор. Из комнаты, где я работал, можно пройти к выходу только плохо освещенным коридором. Он кончается изогнутой лестницей, спускающейся в вестибюль, где находится комната швейцара. Посередине лестницы есть площадка, от которой под прямым углом отходит еще один коридор. По нему, минуя небольшую лестницу, можно пройти к боковому входу, которым пользуются слуги и клерки, когда они идут со стороны Чарльз-стрит и хотят сократить путь. Вот примерный план помещения:

-- Спасибо. Я внимательно слушаю вас, -- сказал Шерлок

Холмс.

-- Вот что очень важно. Я спустился по лестнице в вестибюль, где нашел швейцара, который крепко спал. На спиртовке, брызгая водой на пол, бешено кипел чайник. Я протянул было руку, чтобы разбудить швейцара, который все еще крепко спал, как вдруг над его головой громко зазвонил звонок. Швейцар, вздрогнув, проснулся.

-- Это вы, мистер Фелпс! -- сказал он, смущенно глядя на меня

-- Я сошел вниз, чтобы узнать, готов ли кофе.

-- Я варил кофе и уснул, сэр, -- сказал он, взглянув на меня и уставился на все еще раскачивающийся звонок. Лицо его выражало крайнее изумление.

-- Сэр, если вы здесь, то кто же тогда звонил? -- спросил он.

-- Звонил? -- переспросил я. -- Что вы имели в виду? Что это значит?

-- Этот звонок из той комнаты, где вы работаете.

Мое сердце словно сжала ледяная рука. Значит, сейчас кто-то есть в комнате, где лежит на столе мой драгоценный договор. Что было духу я понесся вверх по лестнице, по коридору. В коридоре не было никого, мистер Холмс. Не было никого и в комнате. Все лежало на своих местах, кроме доверенного мне документа, -- он исчез со стола. Копия была на столе, а оригинал пропал.

Холмс откинулся на спинку стула и потер руки. Я видел, что дело это захватило его.

-- Скажите, пожалуйста, а что вы сделали потом? -- спросил

он

-- Я мигом сообразил, что похититель, по-видимому, поднялся наверх, войдя в дом с переулка. Я бы, наверно, встретился с ним, если бы он шел другим путем.

-- А вы убеждены, что он не прятался все это время в комнате или в коридоре, который, по вашим словам, был плохо освещен?

-- Это совершенно исключено. В комнате или коридоре не спрячется и мышь. Там просто негде прятаться.

-- Благодарю вас. Пожалуйста, продолжайте.

-- Швейцар, увидев по моему побледневшему лицу, что случилась какая-то беда, тоже поднялся наверх. Мы оба бросились вон из комнаты, побежали по коридору, а затем по крутой лесенке, которая вела на Чарльз-стрит. Дверь внизу была закрыта, но не заперта. Мы распахнули ее и выбежали на улицу. Я отчетливо помню, что со стороны соседней церкви донеслось три удара колоколов. Было без четверти десять.

-- Это очень важно, -- сказал Холмс, записав что-то на манжете сорочки.

-- Вечер был очень темный, шел мелкий теплый дождик. На Чарльз-стрит не было никого, на Уайтхолл, как всегда, движение продолжалось самое бойкое. В чем были, без головных уборов мы побежали по тротуару и нашли на углу полицейского.

-- Совершена кража, -- задыхаясь, сказал я. -- Из министерства иностранных дел украден чрезвычайно важный документ. Здесь кто-нибудь проходил?

-- Я стою здесь уже четверть часа, сэр, -- ответил полицейский, -- за все это время прошел только один человек --

высокая пожилая женщина, закутанная в шаль.

-- А, это моя жена, -- сказал швейцар. -- А кто-нибудь еще не проходил?

-- Никто.

-- Значит, вор, наверно, пошел в другую сторону, -- сказал швейцар и потянул меня за рукав.

Но его попытка увести меня отсюда только усилила возникшее у меня подозрение.

-- Куда пошла женщина? -- спросил я.

-- Не знаю, сэр. Я только заметил, что она прошла мимо, но причин следить за ней у меня не было. Кажется, она торопилась

-- Как давно это было?

-- Несколько минут назад.

-- Сколько? пять?

-- Ну, не больше пяти.

-- Мы напрасно тратим время, сэр, а сейчас дорога каждая минута, -- уговаривал меня швейцар. -- Поверьте мне, моя старуха никакого отношения к этому не имеет. Пойдемте скорее в другую сторону от входной двери. И если вы не пойдете, то я пойду один.

С этими словами он бросился в противоположную сторону. Но я догнал его и схватил за рукав.

-- Где вы живете? -- спросил я.

-- В Бристоне. Айви-авеню, 16, -- ответил он, -- но вы на ложном следу, мистер Фелпс. Пойдем лучше в ту сторону улицы и посмотрим, нет ли там чего!

Терять было нечего. Вместе со швейцаром мы поспешили в противоположную сторону и вышли на улицу, где было большое

движение и масса прохожих. Но все они в этот сырой вечер только и мечтали поскорее добраться до крова. Не нашлось ни одного праздношатающегося, который бы мог сказать нам, кто здесь проходил.

Потом мы вернулись в здание, поискали на лестнице и в коридоре, но ничего не нашли. Пол в коридоре покрыт кремовым линолеумом, на котором заметен всякий след. Мы тщательно осмотрели его, но не обнаружили никаких следов.

-- Дождь шел весь вечер?

-- Примерно с семи.

-- Как же в таком случае женщина, заходившая в комнату около девяти, не наследила своими грязными башмаками?

-- Я рад, что вы обратили внимание на это обстоятельство.

То же самое пришло в голову и мне. Но оказалось, что уборщицы обычно снимают башмаки в швейцарской и надевают тряпочные туфли.

-- Понятно. Значит, хотя на улице в тот вечер шел дождь, никаких следов не оказалось? Дело принимает чрезвычайно интересный оборот. Что вы сделали затем?

-- Мы осмотрели и комнату. Потайной двери там быть не могло, а от окон до земли добрых футов тридцать. Оба окна защелкнуты изнутри. На полу ковер, так что люк исключается, а потолок обыкновенный, беленый. Даю голову на отсечение, что украсть документ могли, только войдя в дверь.

-- А через камин?

-- Камина нет. Только печка. Шнур от звонка висит справа от моего стола. Значит, тот, кто звонил, стоял по правую руку. Но зачем понадобилось преступнику звонить? Это неразрешимая

загадка.

-- Происшествие, разумеется, необычайное. Но что вы делали дальше? Вы осмотрели комнату, я полагаю, чтобы убедиться, не оставил ли незванный гость каких-нибудь следов своего пребывания -- окурков, например, потерянной перчатки, шпильки или другого пустяка?

-- Ничего не было.

-- А как насчет запахов?

-- Об этом мы не подумали.

-- Запах табака оказал бы нам величайшую услугу при расследовании.

-- Я сам не курю и поэтому, думаю, заметил бы табачный запах. Нет. Зацепиться там было совершенно не за что. Одно только существо -- жена швейцара миссис Танджи спешно покинула здание. Сам швейцар объяснил, что его жена всегда в это время уходит домой. Мы с полицейским решили, что лучше всего было бы немедленно арестовать женщину, чтобы она не успела избавиться от документа, если, конечно, похитила его она.

Мы тут же дали знать в Скотланд-Ярд, и оттуда тотчас прибыл сыщик мистер Форбс, энергично взявшийся за дело. Наняв кэб, мы через полчаса уже стучались в дверь дома, где жил швейцар. Нам отворила девушка, оказавшаяся старшей дочерью миссис Танджи. Ее мать еще не вернулась, и нас провели в комнату.

Минут десять спустя раздался стук. И тут мы совершили серьезный промах, в котором я виню только себя. Вместо того, чтобы открыть дверь самим, мы позволили сделать это девушке. Мы услышали, как она сказала: "Мама, тебя ждут двое мужчин", -- и

тотчас услышали в коридоре быстрый топот. Форбс распахнул дверь, и мы оба бросились за женщиной в заднюю комнату или кухню. Она вбежала туда первая и вызывающе взглянула на нас, но потом вдруг, узнав меня, от изумления даже переменилась в лице.

-- Да это же мистер Фелпс из министерства! -- воскликнула она.

-- А вы за кого нас приняли? Почему бросились бежать от нас? -- спросил мой спутник.

-- Я думала, пришли описывать имущество, -- сказала она.
-- Мы задолжали лавочнику.

-- Придуманно не так уж ловко, -- парировал Форбс. -- У нас есть причины подозревать вас в краже важного документа из министерства иностранных дел. И я думаю, что вы бросились в кухню, чтобы спрятать его. Вы должны поехать с нами в Скотланд-Ярд, где вас обыщут.

Напрасно она протестовала и сопротивлялась. Подъехал кэб, и мы все трое сели в него. Но перед тем мы все-таки осмотрели кухню и особенно очаг, предположив, что она успела сжечь бумаги за то короткое время, пока была в кухне одна. Однако ни пепла, ни обрывков мы не нашли. Приехав в Скотланд-Ярд, мы сразу передали ее в руки одной из сотрудниц. Я ждал ее доклада, сгорая от нетерпения. Но никакого документа не нашли.

Тут только я понял весь ужас моего положения. До сих пор я действовал и, действуя, забывался. Я был совершенно уверен, что договор найдется немедленно, и не смел даже думать о том, какие последствия меня ожидают, если этого не случится. Но теперь, когда розыски окончились, я мог подумать о своем положении. Оно было поистине ужасно! Уотсон вам скажет, что в школе я был

нервным, чувствительным ребенком. Я подумал о дяде и его коллегах по кабинету министров, о позоре, который я навлек на него, на себя, на всех, кто был связан со мной. А что если я стал жертвой какого-то невероятного случая? Никакая случайность не допустима, когда на карту ставятся дипломатические интересы. Я потерпел крах, постыдный, безнадежный крах. Не помню, что я потом делал. Наверно, со мной была истерика. Смутно припоминая столпившихся вокруг и старающихся утешить меня служащих Скотланд-Ярда. Один из них поехал со мной до Ватерлоо и посадил меня в поезд на Уокинг. Наверно, он проводил бы меня до самого дома, если бы не подвернулся доктор Ферьер, живущий по соседству от нас и ехавший тем же поездом. Доктор любезно взял на себя заботу обо мне, и как раз вовремя, потому что на станции у меня начался припадок, и мы еще не добрались до дому, как я превратился в буйнопомешанного.

Можете представить себе, что здесь было, когда после звонка доктора все поднялись с постелей и увидели меня в таком состоянии. Бедняжка Энни, сидящая здесь, и моя мать были в отчаянии. Доктор Ферьер рассказал родным то, что ему сообщил на вокзале сыщик, и только подлил масла в огонь. Всем было ясно, что я заболел надолго, а посему Джозефа выпроводили из этой веселой комнаты и обратили ее в больничную палату. Здесь я и провалялся более девяти недель в полном беспмятстве и бреде. Если бы не мисс Гаррисон и не заботы доктора, я бы еще и сейчас не был способен здраво рассуждать. Энни ходила за мной днем, а ночью дежурила сиделка, так как в приступе безумия я мог сделать что угодно. Постепенно сознание мое прояснилось, но память ко мне вернулась только три дня назад. Порой мне хочется

вовсе лишиться ее. В первую очередь я попросил телеграфировать мистеру Форбсу, который расследует дело. Он приехал и заверил меня, что делается все возможное, хотя на след преступника еще не напали. Швейцара и его жену проверили самым тщательным образом и ничего не обнаружили. Тогда полиция стала подозревать Горо, который, как вы помните, оставался в тот вечер работать дольше других. Подозрение могла вызвать только его французская фамилия и тот факт, что он тогда задержался в министерстве: но я приступил к работе лишь после его ухода, а он сам и его семья -- предки Горо были гугенотами -- по своим симпатиям и образу жизни такие же англичане, как вы и я. Как бы там ни было, инкриминировать ему ничего не могли, и пришлось отказаться и от этой версии. Вы, мистер Холмс, -- моя последняя надежда. Если вы не спасете меня, моя честь и мое положение -- все погибло безвозвратно.

Устав от длинного рассказа, больной опустился на подушки, а его сиделка налила ему в стакан какую-то успокаивающую микстуру. Холмс сидел, запрокинув голову и закрыв глаза, и молчал. Стороннему человека показалось бы, что им овладело безразличие, но я-то знал, что эта его поза означает напряженнейшую работу мысли.

-- Ваш рассказ был настолько исчерпывающим, -- сказал он наконец, -- что мне почти нечего спрашивать. Но один вопрос, имеющий первостепенное значение, я вам все-таки задам. Говорили вы кому-нибудь о том, что получили специальное задание?

-- Никому.

-- Хотя бы вот... мисс Гаррисон?

-- Нет. Я не был в Уокинге после того, как мне дали это

задание.

-- И ни с кем из ваших тогда случайно не виделись?

-- Ни с кем.

-- Кто-нибудь из них знает, где расположена ваша комната в министерстве?

-- О да, у меня там бывали все.

-- Конечно, этот последний вопрос излишен, если вы никому ничего не говорили.

-- Никому ничего.

-- Что вы знаете о швейцаре?

-- Ничего, кроме того, что он отставной солдат.

-- Какого полка?

-- Я слышал, как будто... Коулдстрим-Гардз.

-- Спасибо. Я не сомневаюсь, что узнаю подробности у Форбса. Следователи Скотланд-Ярда отлично умеют собирать факты, но не всегда умеют объяснить их. Ах, какая прелестная роза!

Холмс прошел мимо кушетки к открытому окну, приподнял опустившийся стебель розы и полюбовался тончайшими оттенками розового и зеленого. Эта сторона его характера мне еще не была знакома -- я до сих пор ни разу не видел, чтобы он проявлял интерес к живой природе.

-- Нигде так не нужна дедукция, как в религии, -- сказал он, прислонившись к ставням. -- Логик может поднять ее до уровня точной науки. Мне кажется, что своей верой в Божественное провидение мы обязаны цветам. Все остальное -- наши способности, наши желания, наша пища -- необходимо нам в первую очередь для существования. Но роза дана нам сверх всего. Запах и цвет розы украшают жизнь, а не являются условием ее

существования. Только Божественное провидение может быть источником прекрасного. Вот почему я и говорю: пока есть цветы, человек может надеяться.

Перси Фелпс и его невеста с удивлением слушали разглагольствования Холмса, и на их лицах появилось разочарование. Держа розу в пальцах, он замечтался. Это продолжалось несколько минут, пока голос молодой женщины не заставил его очнуться.

-- Вы уже видите, как можно решить эту загадку? -- резковато сказала она.

-- О, загадку! -- откликнулся он, опускаясь с небес на землю. -- Было бы нелепо отрицать, что дело это весьма трудное и запутанное, но я обещаю заняться им серьезно и держать вас в курсе дела.

-- У вас уже есть какая-нибудь версия?

-- У меня их есть уже семь, но я, разумеется, должен все проверить, прежде чем высказать их вслух.

-- Вы кого-нибудь подозреваете?

-- Я подозреваю себя...

-- Что?

-- В том, что делаю слишком поспешные выводы.

-- В таком случае поезжайте в Лондон и проверьте их.

-- Вы дали прекрасный совет, мисс Гаррисон, -- вставая, сказал Холмс. -- Думаю, Уотсон, это лучшее, что мы можем предпринять. Не позволяйте себе тешиться слишком радужными надеждами, мистер Фелпс. Дело очень запутанное.

-- Я места себе не найду, пока снова не увижу вас, -- взмолился дипломат.

-- Хорошо, я приеду завтра тем же поездом, хотя более чем вероятно, что не сообщу вам ничего нового.

-- Благослави вас Бог за ваше обещание приехать, -- сказал наш клиент. -- Я знаю теперь, что дело в надежных руках, и это придает мне силы. Кстати, я получил письмо от лорда Холдхэрста.

-- Так. Что он пишет?

-- Он холоден, но не резок. Думаю, что он щадит только из-за моего состояния. Он пишет, что дело чрезвычайно серьезное, но что в отношении моего будущего ничего не будет предприниматься... он, конечно, имеет в увольнение... пока я не встану на ноги и не получу возможности исправить положение.

-- Ну, это все очень разумно и деликатно, -- сказал Холмс.

-- Пойдемте, Уотсон, у нас в городе работы на целый день.

Мистер Джозеф Гаррисон отвез нас на станцию, и вскоре мы уже мчались в портсмутском поезде. Холмс глубоко задумался и не проронил ни слова, пока мы не проехали узловой станции Клэпем.

-- Очень интересно подъезжать к Лондону по высокому месту и смотреть на дома внизу.

Я подумал, что он шутит, потому что вид был совсем непривлекательный, но он тут же пояснил:

-- Посмотрите вон на те большие дома, громоздящиеся над шиферными крышами, как кирпичные острова в свинцово-сером море.

-- Это казенные школы.

-- Маяки, друг мой! Бакены будущего! Коробочки с сотнями светлых маленьких семян в каждой. Из них вырастет просвещенная Англия будущего. Кажется, этот Фелпс не пьет?

-- Думаю, что нет.

-- И я тоже так думаю. Но мы обязаны предусмотреть все.

Бедняга увяз по уши, а вытащим ли мы его из этой трясины -- еще вопрос. Что вы думаете о мисс Гаррисон?

-- Девушка с сильным характером.

-- И к тому же неплохой человек, если я не ошибаюсь. Они с братом -- единственные дети фабриканта железных изделий, живущего где-то на севере, в Нортумберленде. Фелпс обручился с ней этой зимой во время своего путешествия, и она в сопровождении брата приехала познакомиться с родными жениха. Затем произошла катастрофа, и она осталась, чтобы ухаживать за возлюбленным. Ее брат Джозеф, найдя, что тут довольно неплохо, остался тоже. Я уже, как видите, навел кое-какие справки. И сегодня нам придется заниматься этим весь день.

-- Мои пациенты... -- начал было я.

-- О, если вы находите, что ваши дела интереснее моих...

-- сердито перебил меня Холмс.

-- Я хотел сказать, что мои пациенты проживут без меня денек-другой, тем более что в это время года болеют мало.

-- Превосходно, -- сказал он, снова приходя в хорошее настроение. -- В таком случае займемся этой историей вдвоем. Думается мне, что в первую очередь нам надо повидать Форбса. Вероятно, он может рассказать нам много интересного. Тогда нам будет легче решить, с какой стороны братья за дело.

-- Вы сказали, что у вас уже есть версия.

-- Даже несколько, но только дальнейшее расследование может показать, чего они стоят. Труднее всего раскрыть преступление, совершенное без всякой цели. Это преступление не бесцельное. Кому оно выгодно? Либо французскому послу, либо русскому послу, либо тому, кто может продать документ одному из

этих послов, либо, наконец, лорду Холдхэрсту.

-- Лорду Холдхэрсту!

-- Можно ли представить себе государственного деятеля в таком положении, когда он не пожалеет, если некий документ будет случайно уничтожен.

-- Но только не лорд Холдхэрст. У этого государственного деятеля безупречная репутация.

-- А все-таки мы не можем позволить себе пренебречь и такой версией. Сегодня мы навестим благородного лорда и послушаем, что он нам скажет. Между прочим, расследование уже идет полным ходом.

-- Да, я послал со станции Уокинг телеграммы в вечерние лондонские газеты. Это объявление появится сразу во всех газетах.

Он дал мне листок, вырванный из записной книжки. Там было написано карандашом:

"10 фунтов стерлингов вознаграждения всякому, кто сообщит номер кэба, с которого сошел седок на Чарльз-стрит возле подъезда министерства иностранных дел без четверти десять вечера 23 мая. Обращаться по адресу: "Бейкер-стрит, 221-6".

-- Вы уверены, что похититель приехал в кэбе?

-- Если и не в кэбе, то вреда никакого не будет. Но если верить мистеру Фелпсу, что ни в комнате, ни в коридоре спрятаться нельзя, значит, человек должен был прийти с улицы. Если он пришел с улицы в такой дождливый вечер и не оставил мокрых следов на линолеуме, который тут же тщательно осмотрели, более чем вероятно, что он приехал в кэбе. Да, я думаю, можно смело предположить, что он приехал в кэбе.

-- Это выглядит правдоподобно.

-- Такова одна из версий, о которых я говорил. Возможно, она приведет нас к чему-нибудь. Потом, разумеется, надо выяснить, почему зазвенел звонок, -- это самая приметная деталь. Что это: бравада похитителя? Или кто-то хотел помешать преступнику? Или просто случайность? Или?..

Холмс замолчал и снова стал напряженно думать, и мне, знакомому со всеми его настроениями, показалось, что мысли его вдруг устремились по новому руслу.

Мы были на городском вокзале в двадцать минут четвертого и, наскоро перекусив в буфете, сразу отправились в Скотланд-Ярд. Холмс уже телеграфировал Форбсу, и он нас ждал. Это был коротышка с решительным, но отнюдь не дружелюбным выражением на лисьей физиономии. Он принял нас очень холодно, особенно когда узнал, по какому делу мы пришли.

-- Я уже слышал о ваших методах, мистер Холмс -- сказал он с кислым видом. -- Вы пользуетесь всей информацией, какую может предоставить в ваше распоряжение полиция, легко находите преступника и лишаете наших сыщиков заслуженных лавров.

-- Напротив, -- возразил Холмс, -- из последних пятидесяти трех преступлений, мною раскрытых, только о четырех стало известно, что это сделал я, а остальные же сорок девять на счету полиции. Я не виню вас за то, что вы не знаете этого, вы еще молоды и неопытны, но если вы хотите преуспеть в своей новой должности, вы станете работать со мной, а не против меня.

-- Я был бы рад, если бы вы мне дали несколько советов по этому делу, -- сказал сыщик, сменив гнев на милость, -- Мне еще пока нечем похвастаться.

-- Что вы предприняли?

-- Мы следили за Танджи, швейцаром. Он ушел в отставку из гвардии с хорошей характеристикой, никаких компрометирующих данных у нас о нем нет, но у жены его дурная слава. Думается мне, она знает больше, чем это кажется.

-- За ней вы следили?

-- Мы подставили к ней одну из наших сотрудниц. Миссис Танджи пьет, наша сотрудница провела с ней два вечера, но ничего не могла вытянуть из нее.

-- Кажется, к ним наведывались судебные исполнители?

-- Да, но им заплатили.

-- А откуда взялись деньги.

-- Здесь все в порядке. Швейцар как раз получил пенсию.

Нет никаких признаков, что у них стали водиться деньги.

-- Как она объяснила, что в тот вечер на звонок мистера Фелпса поднялась она?

-- Она сказала, что муж очень устал и она хотела помочь ему.

-- Что ж, это согласуется с тем, что немного позже его нашли спящим на стуле. Значит, против них нет никаких улик, разве что у женщины плохая репутация. Вы спросили: почему она так спешила в тот вечер? Ее поспешность привлекла внимание постового полицейского

-- Она задержалась против обычного и хотела поскорее добраться домой.

-- Вы указали ей на то, что вы с мистером Фелпсом, выйдя из министерства по крайней мере минут на двадцать позже нее, добрались до ее дома раньше?

-- Она объясняет эту разницей в скорости омнибуса и кэба.

-- А сказала она, почему, придя домой, она бегом бросилась в кухню?

-- У нее там было приготовлены деньги для судебных исполнителей.

-- У нее, я вижу, есть ответ на любой вопрос. А спросили вы ее, не встретила ли она кого-нибудь на Чарльз-стрит, когда выходила из министерства?

-- Она не видела никого, кроме постового.

-- Допросили вы ее тщательно. А что еще вы сделали?

-- Следили все эти девять недель за клерком Горо, но безрезультатно. Против него нет никаких улик.

-- Что еще?

-- Вот и все... и ни следов, ни улики.

-- Вы думали над тем, почему звонил звонок?

-- Должен признаться, что я в полном недоумении. Кто бы он ни был, но у этого человека железные нервы... взять и самому поднять тревогу!

-- Да, очень странный поступок. Большое спасибо за сведения. Если я найду преступника, я дам вам знать. Пойдемте, Уотсон!

-- Куда теперь? -- спросил я, когда мы выпли из кабинета.

-- Теперь мы пойдем и побеседуем с лордом Холдхэрстом, членом кабинета министров и будущим премьером Англии.

К счастью, лорд Холдхэрст был еще в своем служебном кабинете. Холмс послал свою визитную карточку, и нас тотчас провели к нему. Государственный деятель принял нас со старомодной учтивостью, которой он отличался, и усадил в

роскошные удобные кресла, стоявшие по обе стороны камина. Он стоял перед нами на ковре высокий, худощавый, с резкими чертами одухотворенного лица, с вьющимися, рано тронутыми сединой волосами. Живое воплощение так редко встречающегося истинного благородства.

-- Ваше имя мне очень хорошо знакомо, мистер Холмс, -- улыбаясь, сказал он. -- И, разумеется, я не буду притворяться, что не знаю о цели вашего визита. Только одно происшествие, случившееся в этом учреждении, могло привлечь ваше внимание.

Могу ли я спросить, чьи интересы вы представляете?

-- Мистера Перси Фелпса, -- ответил Холмс.

-- О, моего несчастного племянника! Вы понимаете, что из-за нашего родства мне гораздо труднее защищать его. Боюсь, что это происшествие скажется губительно на его карьере.

-- А если документ будет найден?

-- Тогда, разумеется, все будет иначе.

-- Позвольте задать вам несколько вопросов, лорд Холдхэрст.

-- Я буду рад дать вам любые сведения, которыми я располагаю.

-- В этом кабинете вы дали указание переписать документ?

-- Да.

-- Следовательно, вас вряд ли могли подслушать?

-- Это исключается.

-- Говорили вы кому-нибудь, что хотите отдать договор для переписки?

-- Не говорил.

-- Вы уверены в этом?

-- Совершенно уверен.

-- Но если ни вы, ни мистер Фелпс никому ничего не говорили, то, значит, похититель оказался в комнате клерков совершенно случайно. Он увидел документ и решил воспользоваться счастливым случаем.

Государственный деятель улыбнулся.

-- Это уже вне моей компетенции, -- сказал он. Холмс минуту помолчал.

-- Есть еще одно важное обстоятельство, которое я хотел бы обсудить с вами, -- сказал Холмс. -- Насколько я понимаю, вы опасаетесь очень серьезных последствий, если станет известно содержание договора.

По выразительному лицу министра пробежала тень.

-- Да, очень серьезных.

-- Сейчас уже заметно что-нибудь?

-- Пока нет.

-- Если бы договор попал в руки, скажем, французского или русского министерства иностранных дел, вы бы узнали об этом?

-- Мне следовало бы знать, -- поморщившись, сказал лорд Холдхэрст.

-- Но прошло уже десять недель, а ничего еще не произошло. Значит, есть основания полагать, что по какой-то причине договор еще не попал к тому, кто в нем заинтересован.

Лорд Холдхэрст пожал плечами.

-- Вряд ли можно полагать, мистер Холмс, что похититель унес договор, чтобы вставить его в рамку и повесить на стену.

-- Может быть, он ждет, чтобы ему предложили побольше.

-- Еще немного, и он вообще ничего не получит. Через

несколько месяцев договор уже ни для кого не будет секретом.

-- Это очень важно, -- сказал Холмс, -- Разумеется, можно еще предположить, что похититель внезапно заболел...

-- Нервной горячкой, например? -- спросил министр, бросив на Холмса быстрый взгляд.

-- Я этого не говорил, -- невозмутимо сказал Холмс. -- А теперь, лорд Холдхэрст, позвольте откланяться, мы и так отняли у вас столько драгоценного времени.

-- Желаю успеха в вашем расследовании, кто бы ни оказался преступником, -- сказал учтиво министр, и мы, откланявшись, вышли.

-- Прекрасный человек, -- сказал Холмс, когда мы оказались на Уайт-холл. -- Но и ему знакома жизненная борьба. Он далеко не богат, а у него много расходов. Вы, разумеется, заметили, что его ботинки побывали в починке? Но я больше не стану, Уотсон, отвлекать вас от ваших прямых обязанностей. Сегодня мне больше нечего делать, разве что пойти и узнать, кто откликнулся на мое объявление о кэбе. Но я был бы вам весьма признателен, если бы вы завтра поехали со мной в Уокинг тем же поездом, что и сегодня.

Мы встретились на следующее утро, как договорились, и поехали в Уокинг. Холмс сказал, что на объявление никто не откликнулся и ничего нового по делу нет. При этом лицо у него стало совершенно бесстрастным, как у краснокожего, и я никак не мог определить по его виду, доволен ли он ходом расследования или нет. Помнится, он завел разговор о бертильоновской [1] системе измерений и бурно восхищался этим французским ученым.

Наш клиент все еще находился под надзором своей заботливой

сиделки, но вид у него был уже лучше. Когда мы вошли, он без труда встал с кушетки и приветствовал нас.

-- Какие новости? -- жадно спросил он.

-- Как я и думал, пока никаких, -- сказал Холмс. -- Я встретился с Форбсом, потом с вашим дядей и начал расследование сразу по нескольким каналам, которые, возможно, и приведут к чему-нибудь.

-- Значит, ваш интерес к делу еще не остыл?

-- Конечно, нет!

-- Благослови вас Бог за эти слова! -- воскликнула мисс Гаррисон. -- Если мы будем мужественны и терпеливы, правда непременно откроется.

-- А у нас новостей побольше, чем у вас, -- сказал Фелпс, снова садясь на кушетку.

-- Я ожидал этого.

-- Да, ночью у нас было происшествие, и, кажется, весьма серьезное, -- Он нахмурился, и в его глазах мелькнул страх, -- Знаете, я уже начинаю подозревать, что стал нечаянной жертвой чудовищного заговора и что заговорщики посягают не только на мою честь, но и на мою жизнь.

-- Ого! -- воскликнул Холмс.

-- Это кажется невероятным, потому что, как я раньше считал, у меня нет в целом мире ни одного врага. Но прошлой ночью я убедился в обратном.

-- Продолжайте, пожалуйста.

-- К вашему сведению, я прошлую ночь впервые провел без сиделки. Мне стало гораздо лучше, и я думал, что смогу обойтись без нее. В комнате горел ночник. Часа в два ночи я забылся

тревожным сном, как вдруг меня разбудил негромкий шорох, похожий на то, как скребется мышь. Некоторое время я лежал, прислушиваясь. Мышь, решил я, но тут шум усилился, и вдруг со стороны окна донесся резкий металлический скрежет. Я сразу догадался, в чем дело. Слабый шум производился инструментом, который кто-то старался просунуть в щель между оконными створками, а скрежет -- отодвигаемым шпингалетом.

Потом наступила примерно десятиминутная пауза -- словно человек хотел убедиться, не проснулся ли я от шума. Затем я услышал легкое поскрипывание, и окно стало медленно раскрываться. Я не выдержал -- нервы у меня теперь не те. Соскочил с постели и распахнул ставни. Под окном на корточках сидел какой-то человек, но я не успел рассмотреть его -- он мгновенно скрылся. На нем было что-то вроде плаща, скрывавшего и нижнюю часть лица. В одном только я уверен: рука его сжимала какое-то оружие. Мне показалось, что это длинный нож. Я отчетливо видел, как блеснул металл, когда человек бросился бежать.

-- Очень интересно, -- сказал Холмс, -- И что же вы сделали?

-- Если бы я не был так слаб, я бы выскочил в раскрытое окно и побежал за ним. Но я мог только позвонить и поднял на ноги весь дом. Сделать это удалось не сразу: звонок звенит на кухне, а все слуги спят наверху. На мой крик сверху прибежал Джозеф, он и разбудил остальных. На клумбе под окном Джозеф с конюхом нашли следы, но земля была настолько сухая, что дальше, в траве, следы затерялись. Но на деревянном заборе, отделяющем сад от дороги, осталась отметина -- ее нашли Джозеф с конюхом,

-- кто-то перелезал через забор и надломил доску. Я еще ничего не говорил местным полицейским, потому что хотел сперва выслушать ваше мнение.

Рассказ нашего клиента произвел на Шерлока Холмса сильное впечатление. Он вскочил со стула и, не скрывая волнения, стал быстро ходить по комнате.

-- Беда никогда не приходит одна, -- улыбаясь, сказал Фелпс, хотя было видно, что происшествие его потрясло.

-- К вам, во всяком случае, -- сказал Холмс. -- Не могли бы вы обойти со мной вокруг дома?

-- Погреться немного на солнышке мне бы не повредило. Джозеф тоже пойдет.

-- И я, -- сказала мисс Гаррисон.

-- Боюсь, что вам лучше остаться здесь, -- покачал головой Холмс. -- Сидите в этой комнате и никуда не отлучайтесь.

Девушка с недовольным видом села. Ее брат, однако, пошел с нами. Мы все четверо обогнули газон и приблизились к окну комнаты молодого дипломата. На клумбе, как он и говорил, были следы, но безнадежно затоптанные. Холмс склонился над ними, тут же выпрямился и пожал плечами.

-- Ну, здесь немного можно увидеть, -- сказал он. -- Давайте вернемся к дому и поглядим, почему взломщик выбрал именно эту комнату. Мне кажется, большие окна гостиной и столовой должны были показаться ему более привлекательными.

-- Их лучше видно с дороги, -- предположил мистер Джозеф Гаррисон.

-- Да, разумеется. А эта дверь куда ведет? Он мог бы ее попытаться взломать.

-- Это вход для лавочников. На ночь она запирается.

-- А раньше когда-нибудь случалось подобное?

-- Никогда, -- ответил наш клиент.

-- У вас есть столовое серебро или еще что-нибудь, что может привлечь грабителя?

-- В доме нет ничего ценного.

Засунув руки в карманы, Холмс с необычным для него беспечным видом завернул за угол.

-- Кстати, -- обратился он к Джозефу Гаррисону, -- вы, помнится, обнаружили место, где вор поломал забор. Пойдемте туда, посмотрим.

Молодой человек привел нас к забору -- у одной тесины верхушка была надломлена, и кусок ее торчал. Холмс совсем отломал ее и с сомнением осмотрел.

-- Думаете, это сделано вчера вечером? Судя по излому, здесь лезли уже давно.

-- Может быть.

-- И по другую сторону забора нет никаких следов, не видно, чтобы кто-то прыгал. Нет, нам здесь делать нечего. Пойдемте-ка обратно в спальню и поговорим.

Перси Фелпс шел очень медленно, опираясь на руку своего будущего шурина. Холмс быстро пересек газон, и мы оказались у открытого окна гораздо раньше, чем они.

-- Мисс Гаррисон, -- очень серьезно сказал Холмс, -- вы должны оставаться на этом месте в течение всего дня. Ни в коем случае не уходите отсюда. Это необычайно важно.

-- Я, разумеется, сделаю так, как вы хотите, мистер Холмс, -- сказала удивленно девушка.

-- Когда пойдете спать, закройте дверь этой комнаты снаружи и возьмите ключ с собой. Обещаете?

-- А как же Перси?

-- Он поедет с нами в Лондон.

-- А я должна оставаться здесь?

-- Ради его блага. Этим вы окажете ему большую услугу!

Обещайте мне! Хорошо?

Едва девушка успела кивнуть, как вошел ее жених с братом.

-- Что ты грустила, Энни? -- спросил ее брат. -- Ступай на солнышко.

-- Нет, Джозеф, не хочу. У меня немного болит голова, а в этой комнате так прохладно и тихо.

-- Что вы теперь намереваетесь делать, мистер Холмс? -- спросил наш клиент.

-- Видите ли, расследуя это небольшое дело, мы не должны упускать из виду главную цель. И вы бы мне очень помогли, если бы поехали со мной в Лондон.

-- Мы едем сейчас же?

-- И как можно скорей. Скажем, через час.

-- Я чувствую себя довольно хорошо, но будет ли от меня какой-нибудь толк?

-- Самый большой.

-- Наверно, вы захотите, чтобы я остался ночевать в Лондоне?

-- Именно это я и хотел предложить вам.

-- Значит, если мой ночной приятель вздумает посетить меня еще раз, он обнаружит, что клетка пуста. Все мы в полном вашем распоряжении, мистер Холмс. Вы только должны дать нам точные

инструкции, что делать. Вероятно, вы хотите, чтобы Джозеф поехал с нами и приглядывал за мной?

-- Это необязательно. Мой друг Уотсон, как вы знаете, -- врач, и он позаботится о вас. С вашего позволения, мы поедем и втроем отправимся в город.

Мы так и сделали, а мисс Гаррисон, согласно уговору с Холмсом, под каким-нибудь предлогом осталась в спальне. Я не представлял себе, какова цель этих маневров моего друга, разве что он хотел разлучить зачем-то девушку с Фелпсом, который, оживившись от прилива сил и возможности действовать, завтракал вместе с нами в столовой. Однако у Холмса в запасе был еще более поразительный сюрприз: дойдя с нами до станции и проводив нас до вагона, он спокойно объявил, что не собирается уезжать из Уокинга.

-- Мне еще тут надо кое-что выяснить, я приеду позже, -- сказал он. -- Ваше отсутствие, мистер Фелпс, будет мне своеобразной подмогой. Уотсон, вы меня очень обяжете, если по приезде в Лондон тотчас отправитесь с нашим другом на Бейкер-стрит и будете ждать меня там. К счастью, вы старые школьные товарищи -- вам будет о чем поговорить. Мистер Фелпс пусть расположится на ночь в моей спальне. Я буду к завтраку -- поезд приходит на вокзал Ватерлоо в восемь.

-- А как же с нашим расследованием в Лондоне? -- уныло спросил Фелпс.

-- Мы займемся этим завтра. Мне кажется, что мое присутствие необходимо сейчас именно здесь.

-- Скажите в Брайарбрэ, что я надеюсь вернуться завтра к вечеру! -- крикнул Фелпс, когда поезд тронулся.

-- Я вряд ли вернусь в Брайарбрэ, -- ответил Холмс и весело помахал вслед поезду, уносившему нас в Лондон.

По пути мы с Фелпсом долго обсуждали этот неожиданный маневр Холмса, но так и не могли ничего понять.

-- Наверно, он хочет выяснить кое-что в связи с сегодняшним ночным происшествием. Был ли это действительно взломщик? Лично я не верю, что это был обыкновенный вор.

-- А кто же это, по-вашему?

-- Можете считать, что это -- следствие нервной горячки, но у меня такое чувство, будто вокруг меня плетется какая-то сложная политическая интрига, заговорщики покушаются на мою жизнь. Хотя зачем это им, я, хоть убейте, не понимаю. Можно подумать, что у меня мания величия, так нелепо мое предположение. Но, скажите, зачем было вору взламывать окно спальни, где совершенно нечем поживиться, и зачем ему такой длинный нож?

-- А может, это была простая отмычка?

-- О нет! Это был нож. Я отчетливо видел, как блестело лезвие.

-- Но, скажите ради Бога, кто может питать к вам такую вражду?

-- Если бы я знал!

-- Если то же думает Холмс, то тогда понятно, почему он остался. Предположим, что ваша догадка правильная. Тогда Холмс сегодня ночью выследит покушавшегося на вас человека, а это значительно облегчит поиски морского договора. Ведь нелепо предположить, что у вас есть сразу два врага -- один ворует у вас документ, а другой покушается на вашу жизнь.

-- Но мистер Холмс сказал, что он не собирается возвращаться в Брайарбрэ.

-- Я знаю его не первый день, -- сказал я, -- Холмс никогда ничего не делает, не имея веских основания.

И мы заговорили о другом.

Но день для меня выдался утомительный. Фелпс еще не совсем оправился после своей болезни, обрушившееся на него несчастье сделало его нервным и раздражительным. Тщетно я старался развлечь его рассказами об Афганистане, Индии, занимал его разговорами о последних политических новостях, только чтобы согнать с него хандру. Он то и дело возвращался к своему пропавшему договору, высказывал предположения, что бы такое мог делать сейчас Холмс, какие шаги предпринимает лорд Холдхэрст, гадал, что нового мы узнаем завтра утром. Словом, к концу дня на него было жалко смотреть, так он себя измучил.

-- Вы очень верите в Холмса? -- то и дело спрашивал он.

-- Он на моих глазах распутал не одно сложное дело.

-- Но такого сложного у него еще не бывало?

-- Бывали и посложнее.

-- Но тогда не ставились на карту государственные интересы?

-- Этого я не знаю. Но мне достоверно известно, что услугами Шерлока Холмса для расследования очень важных дел пользовались три королевских дома Европы.

-- Вы-то знаете его хорошо, Уотсон. Но для меня он совершенно непостижимый человек, и я ума не приложу, как ему удастся найти разгадку этого дела. Вы считаете, что на него можно надеяться? Вы думаете, что он уверен в успешном

разрешении этого дела?

-- Он мне ничего не сказал.

-- Это плохой признак.

-- Напротив. Я давно заметил, что, потеряв след, Холмс обычно говорит об этом. А вот когда он вышел на след, но еще не совсем уверен, что след ведет его правильно, он становится особенно сдержанным. Ну, полноте, дорогой мой, не терзайте себя, этим делу не поможешь. Идите лучше спать -- утро вечера мудренее.

Наконец мне удалось уговорить Фелпса, и он лег, но я не думаю, чтобы он спал в ту ночь, -- в таком он был возбуждении. Его настроение передалось и мне, и я ворочался в постели до глубокой ночи, вдумываясь в это странное дело, сочиняя сотни версий, одну невероятнее другой. Почему он попросил мисс Гаррисон не уходить из "больничной палаты" весь день? Почему он так старался скрыть от обитателей Брайарбрэ, что не едет в Лондон, а остается поблизости? Я ломал себе голову, стараясь найти всем этим фактам объяснение, пока наконец не уснул.

Проснулся я в семь часов и тотчас пошел к Фелпсу. Бедняга очень осунулся после бессонной ночи и выглядел усталым. Первым делом он спросил меня, не приехал ли Холмс.

-- Он будет, когда обещал, -- ответил я. -- Ни минутой раньше, ни минутой позже.

И я не ошибся: едва пробило, восемь, как к подъезду подкатил кэб, и из него вышел наш друг. Мы стояли у окна и видели, что его левая рука перевязана бинтами, и лицо очень мрачное и бледное. Он вошел в дом, но наверх поднялся не сразу.

-- У него вид человека, потерпевшего поражение, -- уныло

сказал Фелпс.

Мне пришлось признать, что он прав.

-- Не может быть, -- сказал я, -- ключ к делу следует искать здесь, в городе.

Фелпс застонал.

-- Я не знаю, с чем он приехал, -- сказал он, -- но я так надеялся на его возвращение! А что у него с рукой? Ведь вчера она не была завязана?

-- Вы не ранены, Холмс? -- спросил я, когда мой друг вошел в комнату.

-- А, пустяки! Из-за собственной неосторожности получил царапину, -- сказал он, поклонившись. -- Должен сказать, мистер Фелпс, более сложного дела у меня никогда не было.

-- Я боялся, что вы найдете его неразрешимым.

-- Да, с таким я еще не сталкивался.

-- Судя по забинтованной руке, вы попали в переделку, -- сказал я. -- Вы не расскажете нам, что случилось?

-- После завтрака, дорогой Уотсон, после завтрака! Не забывайте, что я проделал немалый путь, добрых тридцать миль, и нагулял на свежем воздухе аппетит. Наверно, по моему объявлению о кэбе никто не являлся? Ну да ладно, подряд несколько удач не бывает.

Стол был накрыт, и только я собирался позвонить, как миссис Хадсон вошла с чаем и кофе. Еще через несколько минут она принесла приборы, и мы все сели за стол: проголодавшийся Холмс, совершенно подавленный Фелпс и я, преисполненный любопытства.

-- Миссис Хадсон на высоте положения, -- сказал Холмс,

снимая крышку с курицы, приправленной кэрри. -- Она не слишком разнообразит стол, но для шотландки завтрак задуман недурно.

Что у вас там, Уотсон?

-- Яичница с ветчиной, -- ответил я.

-- Превосходно! Что вам предложить, мистер Фелпс: курицу с приправой, яичницу?

-- Благодарю вас, я ничего не могу есть, -- сказал Фелпс.

-- Полноте! Вот попробуйте это блюдо.

-- Спасибо, но я и в самом деле не хочу.

-- Что ж, -- сказал Холмс, озорно подмигнув, -- надеюсь, вы не откажете в любезности и поухаживаете за мной.

Фелпс поднял крышку и вскрикнул. Он побелел, как тарелка, на которую он уставился. На ней лежал свиток синевато-серой бумаги. Фелпс схватил его, жадно пробежал глазами и пустился в пляс по комнате, прижимая свиток к груди и вопя от восторга. Обессиленный таким бурным проявлением чувств, он вдруг упал в кресло, и мы, опасаясь, как бы он не потерял сознание, заставили его выпить бренди.

-- Ну, будет вам! Будет! -- успокаивал его Холмс, похлопывая по плечу. -- С моей стороны, конечно, нехорошо так внезапно обрушивать на человека радость, но Уотсон скажет вам, я никак не могу удержаться от театральных жестов.

Фелпс схватил его руку и поцеловал ее.

-- Да благославит вас Бог! -- вскричал он. -- Вы спасли мне честь!

-- Ну, положим, моя честь тоже была поставлена на карту, -- сказал Холмс. -- Уверяю вас, мне так же неприятно не раскрыть преступления, как вам не справиться с дипломатическим

поручением.

Фелпс затолкал драгоценный документ во внутренний карман сюртука.

-- Я не осмеливаюсь больше отвлекать вас от завтрака, но умираю от любопытства: как вам удалось добыть этот документ и где он был?

Шерлок Холмс выпил чашку кофе, затем отдал должное яичнице с ветчиной. Потом он встал, закурил трубку и уселся поудобнее в кресло.

-- Я буду рассказывать вам по порядку, -- начал Холмс. -- Проводив вас на станцию, я совершил прелестную прогулку по восхитительному уголку Суррея к красивой деревеньке под названием Рипли, где выпил в гостинице чаю и на всякий случай наполнил свою флягу и положил в карман сверток с бутербродами. Там я оставался до вечера, а потом направился в сторону Уокинга и после захода солнца оказался на дороге, ведущей в Брайарбрэ. Дойдя до усадьбы и подождав, пока дорога не опустеет -- по моему, там вообще прохожих бывает не слишком много, -- я перелез через забор в сад.

-- Но ведь калитка была не заперта! -- воскликнул Фелпс.

-- Да. Но в таких случаях я люблю быть оригинальным. Я выбрал место, где стоят три елки, и под этим прикрытием перелез через забор незаметно для обитателей дома. В саду, прячась за кустами, я пополз -- чему свидетельство печальное состояние моих брюк -- к зарослям рододендронов, откуда очень удобно наблюдать за окнами спальни. Здесь я присел на корточки и стал ждать, как будут развиваться события.

Портьера в комнате не была опущена, и я видел, как мисс

Гаррисон сидела за столом и читала. В четверть одиннадцатого она закрыла книгу, заперла ставни и удалилась. Я слышал, как она захлопнула дверь, а потом повернула ключ в замке.

-- Ключ? -- удивился Фелпс.

-- Да, я посоветовал мисс Гаррисон, когда она пойдет спать, запереть дверь снаружи и взять ключ с собой. Она точно выполнила мои указания, и, разумеется, без ее содействия документ не лежал бы сейчас в кармане вашего сюртука. Потом она ушла, огни погасли, а я продолжал сидеть на корточках под рододендроновым кустом.

Ночь была прекрасна, но тем не менее сидеть в засаде было очень утомительно. Конечно, в этом было что-то от ощущений охотника, который лежит у источника, поджидая крупную дичь. Впрочем, ждать мне пришлось очень долго... почти столько же, Уотсон, сколько мы с вами ждали в той комнате смерти, когда расследовали историю с "пестрой лентой". Часы на церкви в Уокинге били каждую четверть часа, и мне не раз казалось, что они остановились. Но вот наконец часа в два ночи я вдруг услышал, как кто-то тихо-тихо отодвинул засов и повернул в замке ключ. Через секунду дверь для прислуги отворилась, и на пороге, освещенный лунным светом, показался мистер Джозеф Гаррисон.

-- Джозеф! -- воскликнул Фелпс.

-- Он был без шляпы, но запахнут в черный плащ, которым мог при малейшей тревоге мгновенно прикрыть лицо. Он пошел на цыпочках в тени стены, а дойдя до окна, просунул нож с длинным лезвием в щель и поднял шпингалет. Затем он распахнул окно, сунул нож в щель между ставнями, сбросил крючок и открыл их.

Со своего места я прекрасно видел, что делается внутри комнаты, каждое его движение. Он зажег две свечи, которые стояли на камине, подошел к двери и завернул угол ковра. Потом наклонился и поднял квадратную планку, которой прикрывается доступ к стыку газовых труб, -- здесь от магистрали ответвляется труба, снабжающая газом кухню, которая находится в нижнем этаже. Сунув руку в тайник, Джозеф Гаррисон достал оттуда небольшой бумажный сверток, вставил планку на место, отвернул ковер, задул свечу и, спрыгнув с подоконника, попал прямо в мои объятия, так как я уже ждал его у окна.

Я не представлял себе, что господин Джозеф может оказаться таким злобным. Он бросился на меня с ножом, и мне пришлось дважды сбить его с ног и порезаться о его нож, прежде чем я взял верх. Хоть он и смотрел на меня "убийственным" взглядом единственного глаза, который еще мог открыть после того, как кончилась потасовка, но уговорам моим все-таки внял и документ отдал. Овладев документом, я отпустил Гаррисона, но сегодня же утром телеграфировал Форбсу все подробности этой ночи. Если он окажется расторопным и схватит эту птицу, честь ему и хвала! Но если он явится к опустевшему уже гнезду, а я подозреваю, что так оно и случится, то правительство от этого еще и выиграет. Я полагаю, что ни лорду Холдхэрсту, ни мистеру Перси Фелпсу совсем не хотелось бы, чтобы это дело разбиралось в полицейском суде.

-- Господи! -- задыхаясь проговорил наш клиент. -- Скажите мне, неужели украденный документ в течение всех этих долгих десяти недель, когда я находился между жизнью и смертью, был все время со мной в одной комнате?

-- Именно так и было.

-- А Джозеф! Подумать только, Джозеф оказался негодяем и вором!

-- Гм! Боюсь, что Джозеф -- человек гораздо более сложный и опасный, чем об этом можно судить по его внешности. Из его слов, сказанных мне ночью, я понял, что он по неопытности сильно запугался в игре на бирже и готов пойти на все, чтобы поправить дела. Как только представился случай, он, будучи эгоистом до мозга костей, не пощадил ни счастья своей сестры, ни вашей репутации.

Перси Фелпс поник в своем кресле.

-- Голова идет кругом! -- сказал он. -- От ваших слов мне становится дурно.

-- Раскрыть это дело было трудно главным образом потому, -- заметил своим менторским тоном Холмс, -- что скопилось слишком много улик. Важные улики были погребены под кучей второстепенных. Из всех имеющихся фактов надо было отобрать те, которые имели отношение к преступлению, и составить из них картину подлинных событий. Я начал подозревать Джозефа еще тогда, когда вы сказали, что он в тот вечер собирался ехать домой вместе с вами и, следовательно, мог, зная хорошо расположение комнат в здании министерства иностранных дел, зайти за вами по пути. Когда я услышал, что кто-то горит желанием забраться в вашу спальню, в которой спрятать что-нибудь мог только Джозеф (вы в самом начале рассказали, как Джозефа выдворили из нее, когда вы вернулись домой, с доктором), мое подозрение перешло в уверенность. Особенно когда я узнал о попытке забраться в спальню в первую же ночь, которую

вы провели без сиделки. Это означало, что непрошенный гость хорошо знаком с расположением дома.

-- Как я был слеп!

-- Я подумал и решил, что дело обстояло так: этот Джозеф Гаррисон вошел в министерство со стороны Чарльз-стрит и, зная дорогу, прошел прямо в вашу комнату после того, как вы из нее вышли. Не застав никого, он быстро позвонил, и в то же мгновение на глаза ему попался документ, лежавший на столе. Достаточно было одного взгляда, чтобы понять, что случай дает ему в руки документ огромной государственной важности. В мгновение ока он сунул документ в карман и вышел. Как вы помните, прежде чем сонный швейцар обратил ваше внимание на звонок, прошло несколько минут, и этого было достаточно, чтобы вор успел скрыться.

Он уехал в Уокинг первым же поездом и, приглядевшись к своей добыче и уверившись, что она в самом деле чрезвычайно ценна, спрятал ее, как ему казалось, в очень надежное место. Дня через два он намеревался взять ее оттуда и отнести во французское посольство или в другое место, где, по его мнению, ему дали бы большие деньги. Но дело получило неожиданный оборот. Его без предупреждения выпроводили из собственной комнаты, и с тех пор в ней всегда находились по крайней мере два человека, что мешало ему забрать свое сокровище. Это, по-видимому, страшно бесило его. И вот наконец удобный случай представился. Он попытался забраться в комнату, но ваша бессонница расстроила его планы. Наверно, вы помните, что в тот вечер вы не выпили своего успокоительного лекарства.

-- Помню.

-- Я полагаю, что Джозеф принял меры, чтобы лекарство стало особенно эффективным, и вполне полагался на ваш глубокий сон. Я, разумеется, понял, что он повторит попытку, как только будет возможность сделать это без риска. И тут вы покинули комнату. Чтобы он не упредил нас, я целый день продержал в ней мисс Гаррисон. Затем, внушив ему мысль, что путь свободен, я занял свой пост. Я уже знал, что документ скорее всего находится в комнате, но не имел никакого желания срывать в поисках его всю обшивку и плинтусы. Я позволил ему взять документ из тайника и таким образом избавил себя от невероятных хлопот. Есть еще какие-нибудь неясности?

-- Почему в первый раз он полез в окно, -- спросил я, -- когда мог проникнуть через дверь?

-- Да двери ему надо было идти мимо семи спален. Легче было пройти по газону. Что еще?

-- Но не думаете же вы, -- спросил Фелпс, -- что он намеревался убить меня? Нож ему нужен был только как инструмент.

-- Возможно, -- пожав плечами, ответил Холмс. -- Одно могу сказать определенно: мистер Гаррисон -- такой джентльмен, на милосердие которого я не стал бы рассчитывать ни в коем случае.

1 Бертильон Альфонс (1853-- 1914) -- французский антрополог и криминалист, предложивший систему судебной идентификации личности. Способ Бертильона включал 11 измерений (черепа, среднего пальца, мизинца, носа), словесный портрет, фотографию, обозначение цвета радужной оболочки глаз, цвета и

формы волос и описание особых примет.